

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/227-244

Научная статья

© О. Б. Степанова, А. А. Сюзюмов

СВЯТИЛИЩЕ БАБУШКИ НА ОЗЕРЕ НЯМБОЙТО: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2024 г.

В статье рассматривается культовое место, расположенное на озере Нямбойто в бассейне Нижнего Таза. В научный оборот вводится новый материал о святилище, полученный в экспедиции авторов на Таз в 2024 г., он дополняет единственное существующее описание святилища, сделанное тюменскими учеными Ю. Н. Квашиным и А. А. Ткачевым в 2014 г. Результатом исследования стало обоснование селькупского происхождения святилища и определение имени почитаемого на нем духа — Старухи Илынтыль коты / Бабушки Има коты, главного божества селькупского пантеона. Святилищу около ста лет. За прошедший век селькупы Нижнего Таза подверглись ненецкой ассимиляции. В настоящее время святилищем пользуются ненцы, они называют духа просто Бабушкой, относятся к нему, как к своему, ненецкому, и оберегают от вандалов. Это говорит о том, что селькупы оказали на них встречное культурное влияние. Обряд почитания духа, проводимый ненцами, ничем не отличается от такого же селькупского ритуала, что указывает скорее на его универсальные качества, общие для большинства сибирских народов, чем на заимствования. Информанты-ненцы рассказали семейную легенду, в которой говорится, как их предки появились на озере и обустроили святилище. Анализ легенды не подтвердил заложенную в ней идею ненецкого происхождения святилища, как и многие содержащиеся в ней факты, которые были «додуманы» информантами, пытавшимися самостоятельно поставить центральный эпизод легенды в контекст общей истории. Повышенный интерес информантов к своим истокам позволил сделать вывод о формировании у коренного населения Таза нового этнического самосознания.

Ключевые слова: селькупы и ненцы Нижнего Таза, святилище на оз. Нямбойто, обряд почитания духа на святилище, этническая история, традиционная культура и ее современные трансформации.

Ссылка при цитировании: Степанова О. Б., Сюзюмов А. А. Святилище Бабушки на озере Нямбойто: по материалам экспедиции 2024 г. // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 227–244.

Степанова Ольга Борисовна — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3) Эл. почта: stepanova67@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Сюзюмов Арсений Алексеевич — младший научный сотрудник Лаборатории музейных технологий, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3) Эл. почта: a.a.siuizumov@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8178-8439>

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-3/227-244

Original article

© *Olga Stepanova, Arsenii Siuziumov*

GRANDMOTHER'S SANCTUARY AT NYAMBOITO LAKE: THE MATERIALS OF THE 2024 EXPEDITION

The article examines a cult site located on Lake Nyamboito in the Lower Taz basin. The new ethnographic materials about the sanctuary obtained during the authors' expedition to Taz in 2024 supplement the only existing description made by Tyumen scientists Yurii N. Kvashnin and Aleksandr A. Tkachev in 2014. The study provides arguments for the Selkup origin of the sanctuary and determines the name of the revered spirit — Old Woman Ilyntyl Kota or Grandmother Ima Kota, the main deity of the Selkup pantheon. The sanctuary is about a hundred years old. Over the past century, the Selkups of Lower Taz have been assimilated by the Nenets. Currently, the sanctuary is used by the Nenets, who simply call the spirit “Grandmother”, and treat it as a Nenets spirit, and protect it from vandals. Such treatment suggests there was a reciprocal cultural influence of the Selkups on the Nenets. The ritual to honor the spirit, performed by the Nenets, is no different from the Selkup's ritual, but this points to the ritual's universal qualities common to most Siberian peoples rather than to cultural borrowings. Nenets informants told a family legend about how their ancestors came to the lake and built the sanctuary. However, the analysis of the legend did not confirm the idea of a Nenets origin of the sanctuary or many of the facts contained in it, which were probably “made up” by the informants, who tried to place the main episode of the legend in the context of general history. The increased interest of informants in their origins allowed us to conclude that a new ethnic self-awareness was forming among the indigenous population of the Taz region.

Keywords: *Selkups and Nenets of the Lower Taz, sanctuary on Lake Nyamboito, spirit worship ritual at the sanctuary, ethnic history, traditional culture and its modern transformations*

Authors Info: **Stepanova, Olga B.** — Ph.D. in History, Senior Researcher of the Department of Ethnography of the Peoples of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: stepanova67@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Siuziumov, Arsenii A. — Junior Researcher of the Laboratory of Museum Technologies, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.a.siuziumov@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8178-8439>

For citation: Stepanova, O. B., and A. A. Siuziumov. 2025. Grandmother's Sanctuary at Nyamboito Lake: The Materials of the 2024 Expedition. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 227–244.

Введение

Святынище, о котором пойдет речь в данной статье, находится на озере Нямбойто, расположенном в низовьях р. Таз и административно относящемся к Тазовскому рай-

ону ЯНАО. Единственное его описание было сделано в 2014 г. сотрудниками Института проблем освоения Севера СО РАН Ю. Н. Квашниным и А. А. Ткачевым (*Квашнин, Ткачев* 2014). В августе 2024 г. авторы исследования съездили на озеро Нямбойто, увидели святилище собственными глазами и записали о нем у информантов немалый объем новых сведений. Исследование ставило своей целью на базе собранных в 2024 г. материалов расширить и углубить уже имеющееся описание памятника, а конкретнее: дать более полное обоснование этнической принадлежности святилища, персонифицировать изображенное на нем божество, выявить его смысловые значения, зафиксировать временные трансформации святилища и все детали проводимого на нем обряда. Авторы надеются, что публикация новых данных о малоизученном тазовском культовом месте пополнит этнографическое знание о коренном населении р. Таз и поможет этому населению лучше сохранять свои исконные традиции.

Помимо упомянутой статьи Квашнина и Ткачева исследование опиралось на публикации Квашнина (*Квашнин* 2002; *Квашнин* 2004) и В. И. Васильева (*Васильев* 1982), посвященные этнической истории Нижнего Таза, О. Б. Степановой, содержащие сведения о сохранившихся до наших дней культовых местах северных селькупов (*Степанова* 2023а, *Степанова* 2023б), Е. Д. Прокофьевой, откуда была взята характеристика главного божества селькупского пантеона (*Прокофьева* 1961; *Прокофьева* 1976; *Прокофьева* 1977). Работы Л. В. Хомич помогли исследованию в определении характеристики ненецких жертвенных мест (*Хомич* 1966; *Хомич* 1971). Инструментами исследования служили описание, анализ, метод исторической ретроспективы и полевой сбор данных.

Источником новых данных о культовом месте на озере Нямбойто стали информанты Валерий Филиппович Паровых (1956 г. р.) и его двоюродные сестры Ольга Дмитриевна и Елена Дмитриевна Лырмины (1976 и 1978 г. р.) — проживающие в пос. Тазовский уроженцы нямбойтинской земли, никогда не прерывавшие с ней тесных отношений, ненцы по национальности. У Валерия Филипповича связана с Нямбойто вся его трудовая биография рыбака (по сей день на озере у него есть свой балок); Елена и Ольга регулярно приезжают рыбачить на семейную «фазенду», находящуюся в одноименной с озером протоке, в том месте, где когда-то стоял чум их родителей (*Рис. 1*). По отношению к рассматриваемому здесь святилищу информанты обозначили себя пользователями и хранителями, а своих предков основателями.

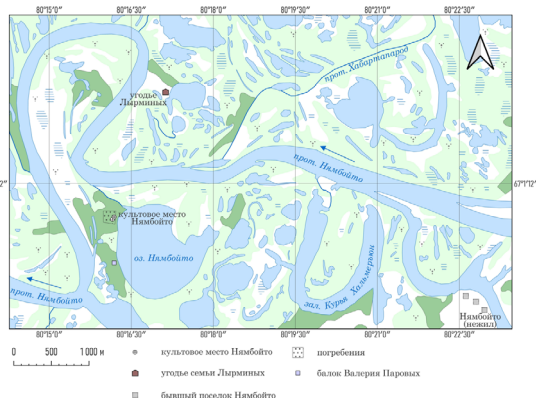

Рис. 1. Карта озера Нямбойто и окрестностей. Автор А. А. Сюзюмов

Результаты

Святилище расположено в лесном массиве¹ на северо-западном берегу озера Нямбойто и представлено двумя высокими лиственницами — одной засохшей, другой живой, на внушительных по охвату стволах лиственниц на высоте 1,3 м от зем-

¹ Озеро Нямбойто находится на границе тайги и тундры, массивы леса, которого в этой местности еще довольно много, окружены тундрами и выглядят как острова.

Рис. 2. Изображение духа Бабушки на (живой) лиственнице. Озеро Нямбойто, Тазовский район, ЯНАО. Август 2024 г. Фото А. А. Сюзюмова

приносили жертвы, говорят жирные пятна вокруг его рта — следы кормления. Обозначенные признаки указывают, что после гибели дерева, духа, вырезанного на нем, тоже сочли умершим, и совершать в отношении него культовые действия прекратили.

Рис. 3. Священная лиственница с изображением Бабушки. Озеро Нямбойто, Тазовский район, ЯНАО. Август 2024 г. Фото А. А. Сюзюмова

ли вырезаны личины духов (Рис. 2–5). Расстояние между имеющими личины деревьями составляет около двадцати пяти метров. Живая лиственница находится в десяти–пятнадцати, засохшая — в двух метрах от края береговой возвышенности, отделенной от озера широкой пологой полосой песка. Оба изображения духов обращены лицом на озеро и на восток. Та личина, что находилась на засохшем дереве, определенно, старше той, что была вырезана на живом. Вероятно, что новая была сделана на замену старой, когда дерево засохло, и обе личины изображают одного и того же духа. По охвату ствола, высоте и раскидистым ветвям живой лиственницы, а также толщине наплывов древесной коры на личину ее возраст можно определить приблизительно в сто лет. Следовательно, личина на погибшем дереве будет старше.

Вокруг засохшего дерева отсутствовали следы свежих жертвоприношений, в то время как рядом с живым деревом и на нем жертвоприношений имелось с избытком. О том, что когда-то более старому изображению духа поклонялись и приносили жертвы, говорят жирные пятна вокруг его рта — следы кормления. Обозначенные признаки указывают, что после гибели дерева, духа, вырезанного на нем, тоже сочли умершим, и совершать в отношении него культовые действия прекратили. Информанты про это погибшее изображение ничего не смогли рассказать, но пытались поначалу скрыть его существование, и в их отношении к заброшенному духу все же ощущался определенный страх, то есть для них этот дух по-прежнему таил опасность и был не совсем мертв.

«Второго практически невозможно найти, я вот его постоянно не могу найти, он где-то там вот... К дальнему не ходят почему-то. А там не найдете вы его. Почему к нему не ходят, не знаю, не обжитый, наверное. Кто на нем изображен, тоже не знаю. Я только вот эту знаю. Может, кто-то делал там для себя, мы к этой только ходим. ...Он давно, я еще молодой был, почему-то его не почитают. Я про него вообще не знал, мне мать сказала, мать потом померла, старая уже. На моей памяти и дерево это не было зеленым, при мне оно всегда такое было, засохшее» (ПМА: Паровых).

Характер изображений нямбойтинского божества, вырезанных на стволе растущих деревьев, однозначно указывает на принадлежность шамана, который их создавал (а «оживлять» подобные изображения могли лишь шаманы) и первых пользователей святилища к селькупам. Изображения духов, вырезанные на деревьях, у селькупов называются *порге*. Ненецкие культовые места обустраиваются по-другому: фигурки духов на них устанавливаются, что вызвано отсутствием в тундре больших деревьев. Духи вырезаются из куска дерева в виде антропоморфных скульптур с головой, иногда с ногами, но обычно без рук (*хэхэ*) или же в форме заостренных кольев с грубо вырезанным на верхнем конце лицом или рядом лиц, расположенных одно над другим (*сядеи*) (Хомич 1966: 202–203; Хомич 1971). Квашнин тоже отнес святилище на Нямбойто к селькупским. По его данным, освоение селькупам ненецкой территории Нижнего Таза происходило в конце XIX — начале XX в., мирным путем; между ненцами и подселившимися к ним селькупам складывались добрососедские отношения. К 1920-м гг. сформировался фамильный состав нижнетазовских селькупов, в него вошли фамилии Сайготиных, Юфтеевых, Яндриных и Кыткиных, позже к ним добавились Магичевы, Кагилевы, Кунины, Аркадьевы и Мандаковы (Квашнин 2002; Квашнин 2004). В течение XX в. и первых двух десятилетий XXI в. все нижнетазовские селькупы были ассимилированы ненцами.

Нямбойтинское божество, несомненно, принадлежит к разряду хозяев земли; лиственницы с его личинами стоят на берегу изобилующего рыбой озера вблизи с маленькой протокой, где, как рассказали информанты, и зимой всегда много щуки. Подобное расположение — в местах, где в рыбные озера впадают маленькие питаемые родниками (и потому не подверженные замору) речушки — имеют те несколько селькупских святилищ хозяев промысловых угодий, которые довелось видеть одному из авторов исследования (Степанова 2023б). Святилища хозяев земли, которые селькупы обычно обустраивали рядом с самыми «урожайными» промысловыми угодьями, предназначались для

Рис. 4. Изображение духа Бабушки на засохшей лиственнице. Озеро Нямбойто, Тазовский район, ЯНАО. Август 2024 г.
Фото А. А. Сюзюмова

Рис. 5. Засохшая лиственница с изображением Бабушки. Озеро Нямбойто, Тазовский район, ЯНАО. Август 2024 г.
Фото А. А. Сюзюмова

обслуживания производственной сферы жизни народа, чтобы просить у духов промысловой удачи.

У изображения духа на засохшем дереве нос и рот вырезаны заметно выдающимися вперед, лоб нависает над глазами. Личина духа расположена сбоку от имеющегося у дерева естественного глубокого дупла примерно одного с ней размера. Селькупской мировоззренческой традиции присущи представления о священном дереве, соединяющем верхний, средний и нижний миры мифической Вселенной, и воплощении в этом дереве его духа-хозяина, властелина всех трех миров. Изображение воплощенного в дереве духа вырезалось на стволе дерева или, если дерево было шаманским (шаманские священные деревья устанавливались позади чума, где жил шаман), подвешивалось на ветви. По представлениям селькупов, священное мировое дерево имело дупло, в котором хранились души еще не родившихся людей рода/народа.

У личины на живой лиственнице рельефно выполнены глаза, нос и рот. «Для обозначения ушей по краям личины просверлены отверстия, в которые вставлены металлические кольца с подвешенными на них металлическими цепочками и колокольчиками, изображающими серьги. Чуть ниже подбородка на очищенной от коры поверхности металлическим предметом прорезан круг, видимо, обозначающий живот. Ниже, под животом, сделан небольшой горизонтальный вырез, возможно обозначающий вагину» (Квашнин, Ткачев 2014: 189–190). Признаки данного изображения недвусмысленно указывают на то, что оно женское. Информанты сообщили, что этого духа называют просто Бабушкой, хотя, как они сказали, полное его имя звучит, по-ненецки, как *Нарка Хаакы* — Большая Бабушка.

В селькупской мифологии хозяйкой мирового дерева и владычицей всей земли выступает священная старуха *Илынтыль кота*, мать-прародительница селькупов. Имя ее переводится как Жизненная, Дающая жизнь Старуха, но обычно ее называют коротко — *Има кота* — Бабушка. Представлялось, что жизнь каждого селькупа зависела от этой Бабушки, она посылала на землю душу человека для рождения, выдавала ему гроб-колоду после смерти, определяла срок его жизни и судьбу, помогала женщинам при родах, посылала людям пропитание — рыбу и перелетных птиц, ей устраивались инициационные испытания для шаманов-неофитов и молодых людей, достигших брачного возраста и т. д. (Прокофьева 1961; Прокофьева 1976; Прокофьева 1977). В характеристике *Илынтыль кота*, данной в работах Прокофьевой, дупло священного дерева служит эквивалентом утробы священной матери, которая и есть это дерево, следовательно, акцентированный живот духа на живом дереве святилища аналогичен дуплу, имеющемуся у него на дереве засохшем. Наличие у нямбойтинского духа дупла и подчеркнутого живота развеивает последние сомнения в том, что это культовое место посвящено селькупской Бабушке *Има кота*.

Има кота чаще всех остальных духов изображалась на селькупских родовых святилищах. Одно ее сохранившееся изображение находится сейчас на озере в системе Парусовых озер, о том, что на нем вырезана именно *Има кота*, сообщил опекающий святилище И. В. Тамелькин (Степанова 2023б). Бабушка на Парусовом озере тоже изображена с большим животом. У ненцев похожими божествами могут считаться *Мяд'пухуця* — Хозяйка чума и *Я'небя* — Мать-земля, но они относятся к разряду сугубо женских божеств, их изображения раньше хранились в чуме на подушке старшей женщины или в сумке над ее изголовьем, святилищ для них не делали (Хомич 1966: 202–203).

Обращают на себя внимание серьги, которые украшают нямбойтинскую богиню,

вырезанную на живой лиственнице. Они ей очень идут и создают ее характерную особенность. Такие серьги на духах авторы не видели ни во время полевой работы, ни в литературе. Серьги сделаны из белого нержавеющей металла в виде сложенных пополам цепочек разной длины. По виду они напоминают цепочки якутских традиционных украшений, где вписанные в четырехугольник орнаментированные звенья соединяются друг с другом маленькими колечками. Однако серьги духа отличаются грубое исполнение, откуда были позаимствованы цепочки для них, непонятно.

Необычным образом вырезаны глаза божества с сережками — им придана раскосая форма, что не было характерной традицией ни для селькупов, ни для ненцев. Из известных авторам изображений похожие раскосые глаза имела лишь одна личина духа, вырезанная на сосне, стоящей на развилке дорог близ верхнетазовского поселка Ратта. Ее в 1990-е годы вырубил молодой селькуп с художественными наклонностями, во время творческого порыва. Он создал идола, определенно, держа в голове традиционные личины, которые наверняка наблюдал в своей этнической среде, а в раскосости глаз, которую он придал изображению, вероятно, отразил свое современное восприятие. На старой религиозной скульптуре народов Западной Сибири, что можно посмотреть в монографии С. В. Иванова (*Иванов 1970*), раскосость глаз не встречается. Более старое изображение на Нямбойто, на засохшей лиственнице, тоже ее не имеет.

У Леонида Лара, известного ненецкого художника, есть написанная яркими, светлыми красками картина, на которой изображен нямбойтинский идол с сережками, но художник несколько исказил натуру: нарисовал груди, которые на скульптуре отсутствуют, и расположил духа спиной к озеру. Картина Лара хранится в фондах Тазовского районного краеведческого музея.

Судя по рассказам информантов, Бабушку они по-прежнему воспринимают духом-хозяином озера, но теперь дух главным образом содействует женщинам в решении женских проблем: помогает забеременеть, родить и вырастить детей, дает здоровье самим женщинам, их детям и вообще всем членам семьи, о чем его и просят. Вероятно со временем, при отсутствии трудностей в добыче пропитания в течение нескольких поколений, акценты в обращениях к духу сместились, и теперь его подопечные просят у него в первую очередь не промысловой удачи, а здоровья, благополучия и долгих лет. Надо также иметь в виду, что в пантеоне ненцев, которые теперь посещают святилище, похожие Бабушки считаются чисто женскими божествами. Свои особенности внесла в перечень обращений к духу Специальная военная операция (СВО).

«Да-да, она отвечает за промысел, и чтобы в жизни все было, мы за детей обычно в основном вот просим. У нас многие ребята ушли из наших родственников на войну, и вот просить пойдем, чтобы все они остались живы» (ПМА: Лырмина).

Сестры Лырмины описали случай, когда Бабушка помирила их с братом, с которым они не общались семь лет: семья тогда съехала для проведения обряда, и пока они вместе готовили еду и помогали друг другу, снова стали разговаривать, после чего общение восстановилось — дух укрепил их семейные узы: «Бабушка всех собрала, помирила» (ПМА: Лырмина-Еприна).

Валерий Филиппович приходил и (мысленно) обращался к Бабушке, когда в жизни были проблемы, и на душе лежал камень.

«У меня моментов, когда тяжело, довольно-таки много бывает. Говорю про все проблемы, которые в голову приходят, просто про себя говорю. Она все

равно услышит, она все равно слышит все, вот это все, вот это, по поверью нашему, она очень сильная же. Как-то я слышал раньше, помладше был, что для женщин она хорошо, благо дает, видимо, туда ходили именно для этого дела. Или там, рожать надо, или болезнь какая, всякое бывает. Она именно человеческая, именно по жизни она. Я про Бабушку не могу сказать ничего, потому что, может что-то помнил, но позабыл. Ну, она, в общем, очень добрая, короче, добро дает людям, благо дает, и хорошо к ней надо относиться» (ПМА: Паровых).

Раньше, чтобы навестить Бабушку, информанты собирались всей семьей, звали дальних и далеко живущих родственников, но последний большой семейный сбор прошел пятнадцать лет назад.

«Но мы редко ходили, часто не получалось. Иногда в разные года мы всем семейством бываем, в разные года, по-разному, как получится, сейчас же время такое, всех сейчас не соберешь. Надо будет сходить туда в сентябре, убраться. Мы не каждую осень туда ходим, так, чтобы специально к ней, в последний раз я с детьми была, когда мы все вместе собирались, прошло пятнадцать лет. Юфтеевы, потом вот мы, Лырмины, Сайготины, вот мы их всех зовем... В Антипаюте еще родственники у нас там есть, у меня по матери тетя приезжала оттуда. Валера был. Муж, короче, взял на работе две недели, и мы поехали на это озеро. На этом озере раньше чума ставили, кто-то в палатках жил, кто-то в чумах, старые балки тогда еще стояли. Кто-то со стороны протоки остановился, кто-то прямо на озеро заехал» (ПМА: Лырмина-Еприна).

Чаще информанты навещают Бабушку меньшими компаниями — когда собирают ягоды или наводят на святилище порядок — или в одиночку, как это делал Валерий Филиппович, когда жил и занимался промыслом в непосредственной близости к Бабушке.

О том, что богиня активно почитается, свидетельствовали сосредоточенные на святилище многочисленные подношения. К ветвям и стволу лиственницы были подвешены полоски ткани, платки, кожаные ремешки с пряжками и без, цепочки, колокольчики, кольца, бусы, браслеты от часов, куски медной проволоки, пластиковые заколки для волос, у основания ствола лежали гильзы от патронов, кованая железная полоса и металлические деньги. По словам информантов, женщинам полагалось дарить духу «полотники», а мужчинам — металлические предметы. Под лиственницей были разбросаны фаянсовые чашки и чайник, стеклянные стаканы и, в большом количестве, бутылки из-под алкоголя (все открытые, без крышки — «так положено»). Вокруг рта духа виднелись темные жирные пятна, представляющие собой следы кормления. Валерий Филиппович привез в подарок духу красивую миску с хохломской росписью, куда положил пригоршню конфет и сдобные булочки (часть их разломал пополам); за полоску ткани, которой был обвязан ствол дерева, он заткнул две красивых запонки от мужской рубашки. Вслух он высказал сожаления, что вынужден был спешно собираться в поездку и не успел купить ничего лучшего. Однако, несмотря на лимит времени, он смог где-то в поселке найти оленью кровь, которой густо обмазал рот личины, приговаривая, что обычно духа кормят ухой, рыбьим жиром, но оленья кровь еще лучше. В прошлые времена безоленная семья информантов приносила в жертву оленя, покупая его у самбургских оленеводов, кочевавших

неподалеку от Нямбойто.

«Оленей кровью мажем редко очень, оленей-то нет у нас. Рыбьим жиром надо, да, желательно. Если есть олень, оленя забивать не можно, а нужно. Это вообще для нее оленя забивать надо. У нас вот нет оленей, куда, да сейчас и не время. Весной еще как-то можно было договориться с самбургскими, самбургские оленеводы раньше были здесь, вот с ними можно было договориться, всегда договаривались, приводили там, на дерево, это...» (ПМА: Паровых).

В двух метрах от дерева, напротив личины, находилось кострище, к ближайшему от него деревцу была прислонена рогатина для подвешивания чайника или котелка: для проведения полноценного обряда почитания нужно было развести костер, сварить уху, покормить ей духа и затем, рассевшись кругом у костра, поесть самим. Лежащие под деревом пустые водочные бутылки говорили о том, что кроме еды дух и его гости любили употреблять алкоголь. Информанты рассказали, что духу кладут также сигареты, потому что «он может быть курящий», сигареты для него не заламывают, так как считают его «живым» (но иногда заламывают, потому что он одновременно «мертвый», поскольку живет также в мире покойников).

По сведениям информантов, за тем, чтобы на семейных сборищах соблюдались все без исключения правила обряда почитания, раньше следили старшие члены семьи. Они говорили молодым, что и как нужно делать, например, разрешали дать голодным детям печенье или конфету до того, как приготовится еда и будет покормлен дух; не позволяли уносить с собой несъеденную пищу и т. д. Обряд почитания духа имел определенную структуру и обширную детализацию.

Подойдя к священной лиственнице, с Бабушкой обязательно следовало поздороваться, поблагодарить ее за все хорошее, что есть в вашей жизни, так как это хорошее у вас — от нее. Потом всем нужно о чем-то непрерывно разговаривать, не молчать — разговаривать с Бабушкой, друг с другом, так как Бабушка любит слушать разговоры. Желательно проговаривать свои действия — рассказывать, какие подарки привезли Бабушке, чем ее собираетесь угощать, что в данный момент вы делаете — разводите костер или чистите рыбу. Далее можно рассказать ей, как вам жилось в последнее время, что произошло в вашей жизни, повиниться за нехорошие поступки, за то, что долго не навещали, попросить у нее желаемого, чего хотели и планировали просить.

Бабушка подает знаки одобрения в виде выглянувшего солнца, тепла, отсутствия комаров, так как в ее ведении находится погода и другие природные явления. Знаком благоволения Бабушки служит и тот результат, что вам удалось до нее доехать, стать ее гостями и с ней разговаривать: это все произошло, потому что она вас допустила, вам разрешила, за что ее тоже надо поблагодарить. Валерий Филиппович перед Бабушкой вслух подтверждал свои добрые намерения из-за того, что привел на святилище чужих людей.

Как было понятно из рассказов информантов, далеко не всегда посетители святилища проводили обряд в полном виде. В кратких его вариантах уху не варили и костер не разводили, в самом урезанном виде обряд ограничивался дарением духу конфет. Сестры Лырмины также отметили, что алкоголь не является обязательным элементом обряда.

Самый большой блок сведений, полученных от информантов, касался запретов, связанных с посещением святилища. Объем запретов многократно увеличивало то

обстоятельство, что святилище располагалось на кладбище — старом кладбище поселка Нямбойто. Поселок существовал с 1930-х до начала 1970-х гг., численность его населения в лучшие годы достигала четырехсот человек, преимущественно ненцев и селькупов, большая часть которых проживала в чумах в приписанном к поселку районе. С тех пор, как поселок закрыли и жителей переселили (в поселок Тибей-Сале), на кладбище перестали делать захоронения. Могилы на кладбище относятся как к селькупскому, так и ненецкому типам погребений. К слову надо сказать, что расположение святилищ на кладбищах не характерно ни для селькупов, ни для ненцев, связь этих двух сакральных объектов прямым текстом в культуре не поясняется.

Главный запрет на посещение святилища, связан со временем года: летом, во время цветения, роста и бушевания растений, к Бабушке приходить нельзя. Разрешается посещать святилище в сезон, когда природа находится в замершем, спящем состоянии, еще не ожила или только умирает. И поскольку зимой и весной из-за снежных сугробов это невозможно сделать физически, оптимальное время для визита на святилище — осень. Однако, по словам информантов, есть способы обойти данный запрет. Если приблизиться к святилищу не позволяет снег, надо сделать костер на берегу озера, при этом Бабушка будет рядом, и обращаться к ней можно мысленно, она все, что ей пошлют силой мысли, услышит. Если кто-то нанес Бабушке визит, когда листья на деревьях еще не начали желтеть и опадать, следует сделать вид, что пришли собирать ягоду — в том месте, где находится святилище, расположен большой брусничник — положить Бабушке конфеты и попросить разрешения здесь бродить.

Сезонная регламентация посещений святилища, несомненно, имеет связь с кладбищем, потому что у селькупов Верхнего Таза, к примеру, посещают кладбище, только когда на деревьях еще нет или уже нет листьев. Совпадение сезонного условия посещения кладбища у верхнетазовских селькупов и уроженцев Нямбойто указывает на то, что последние живут в русле селькупских мировоззренческих правил, так как в ненецкой тундровой традиции, подразумевающей отсутствие леса, такое условие вряд ли могло сложиться.

Другие условия посещения святилища тоже продиктованы расположенным вокруг него кладбищем: придя к Бабушке, покойников нужно обязательно угостить — положить им конфеты и заломанные сигареты. Покидать культовое место следует тем же путем, каким пришли, или прийти и уйти по часовой стрелке, сделав круг. К Бабушке лучше не ходить во второй половине дня, часы ее посещения — утренние. Навещать Бабушку можно только парами, в одиночку или без пары, «третьим лишним», лучше туда не появляться. Если человек оказался рядом со святилищем один, он должен провести обряд на берегу. Детали того, как надо себя при этом вести, рассказал Валерий Филиппович, его самого обучала этому его мать.

«Я вот, когда плохо, я же рядышком там, рыбу ловлю там, грибы собираю, если осенью, зимой, если куропатка, петли ставлю, балок же рядом, иду, просто сяду рядом и разговариваю с ней. Прямо на берегу это делаю или поблизости. Рядышком, именно рядышком, к ней никак не подхожу. Прямо на земле, и туда в ее сторону смотрю, табак сыплю, спиртное там, допустим. Сейчас такое время, я табак и спиртное всегда с собой вожу, когда туда еду. Потому что столько народу похоронено, ты наливаешь на землю, и про себя уже говоришь. На землю прямо наливаю, не каждый раз ведь стакан будет» (ПМА: Паровых).

Перечисленные условия контактов с нямбойтинской Бабушкой совпадают с традициями посещения кладбищ у селькупов и, вероятнее всего, также у ряда других народов Западной Сибири, то есть являются в определенной степени универсальными.

Информанты сохраняют веру в то, что за несоблюдение вышеизложенных правил и запретов, духи непременно накажут нарушителей и не только нарушителей, но и их родственников, в первую очередь детей: «Мама говорит — тебе будет плохо, и у тебя же еще дети есть» (ПМА: Лырмина). В подтверждение своих убеждений они рассказали несколько реальных историй, где на нарушителя сыпались всяческие беды. Для обсуждаемой темы истории были совершенно традиционными.

Одна из таких историй помогла выявить новое правило, порожденное современными реалиями, а именно: на святилище категорически запрещалось фотографировать, снимать видео и, особенно, выкладывать сделанные изображения в публичное пространство, выставлять на всеобщее обозрение. Под публичным пространством понимались в первую очередь социальные сети в интернете и популярные журналы типа «Северных просторов» и «Ямальского меридиана», которые активно просматривают жители пос. Тазовский:

«Кто это делал, мы не знаем, потому что очень много лодок ездит, и одному, второму сказали, а третьи дальше передали, все приехали, сфоткали» (ПМА: Лырмина).

И, конечно же, информанты не обошли вниманием общий для всех культур Западной Сибири запрет появляться на сакральном объекте чужим, посторонним людям. Валерий Филиппович привел в пример один типичный случай, произошедший несколько лет назад. Когда он еще жил на Нямбойто, туда из Тазовского прибыл экологический десант собирать мусор. Приехавшие люди не ходили на святилище и даже не знали о его существовании, но убিরались поблизости, на берегу. Этого оказалось достаточно, чтобы родственники Валерия Филипповича связали произошедший на следующий день в поселке Тазовском пожар, в котором сгорел его дом, с карой, насланной духами на его голову за допуск чужаков на берег вблизи со святилищем.

В завершение описания обряда почитания Бабушки на озере Нямбото следует сказать, что оно является наиболее полным для селькупской этнографии. Большого количества деталей у этого обряда еще никто из исследователей не записывал. Часть описания, касающаяся посещения кладбища, вносит существенные дополнения в известные данные по погребальному обряду селькупов.

Следующий интересующий исследование вопрос — о происхождении святилища на Нямбойто и его этнической принадлежности. По внешнему виду и проводимому обряду святилище уже было уверенно отнесено к селькупским. Однако информанты представили — в трех противоречащих самим себе и друг другу вариантах — легенду о его ненецком происхождении, связанном с историей ненецкой семьи/фамилии Лырминых, которую невозможно оставить без внимания. Эту легенду рассказала информантам их общая бабушка Мария Алексеевна Лырмина (в дев. Паровых, 1903–1989).

Согласно первому варианту этой легенды, до революции «племя» Лырминых жило в тундре на территории современного Красноярского края. После революции, когда началось раскулачивание и по стойбищам разъезжали красноармейцы с красными звездами на буденовках, Лырмины стали болеть, голодать, умирать, род их обезлюдел, и некому стало следить за оленями. Тогда их прадед поехал искать лучшей жизни и нашел это рыбное озеро, после чего позвал сюда все «племена».

Когда они сюда прибыли, озеро всех смогло накормить, поэтому его называли Нямбойто — Озеро Дружбы. На лиственнице — лиственница у ненцев всегда считалась священным деревом — их прадед-шаман вырезал Бабушку — хранительницу озера. Натурщицей при создании изображения священной Бабушки ему послужила жена.

«Е. Л. — Ну, вот озеро вот это, оно спасло людей, от голода. Когда при советской власти раскулачивание было, революция когда была, вот в те времена, они сюда тогда и пришли. У Валеры мама покойная рассказывала, царствие ей небесное... А, нашего отца мама, Валериной матери мама рассказывала, что..., ну она показывала, она по-русски не особо говорила, руками показывала, ну, мы вот поняли, что буденовцы с красными звездочками приезжали к ним, у них большие звездочки были. У нас же по всей тундре были стойбища, племена. Вот один, когда их раскулачивали, ну что там, кому-то кушать нечего, кто-то болеть начал, кто-то умер, у кого-то некому следить за оленями, начали голодать. Вот он потом нашел вот это озеро, предок наш, рыбное очень, прадед наш.

О. Л. — Я самая старшая, а ничего не знаю. Свою бабушку вырезал? Он ее любил, наверное? Е. Л. — Да. Хранительница озера. Ну, я ж не знаю, у шамана какие там мысли были. Но да, якобы со своей жены вырезал. И вот она у нас хранительница озера, лиственница самое священное дерево, сама лиственница. И вот он все племена, всех сюда позвал, и начали все отсюда питаться. Нямбойто — «Озеро Дружбы». Все сюда переехали. О. С. — Из Туруханского края пришли одновременно Мандаковы, Кыткины, Сайготины, Яндрины, Юфтеевы. Е. Л. — Ямкины» (ПМА: Лырмина, Лырмина-Еприна).

Во втором варианте легенды Лырмин — прадед информантов, шаман, имел много братьев, у каждого из них было свое стойбище, жили они на территории нынешнего Красноярского края и поклонялись идолам. Когда, еще при Екатерине, братьев Лырминых пытались насильно обратить в православную веру, прадед не захотел принимать крещение и уехал. Скитаясь, он нашел это озеро, где продолжил поклоняться своим языческим богам, для чего вырезал хранительницу озера на растущем на берегу дереве. Освященное им изображение хранительницы не было портретом его жены. Звали прадеда Хунгля. Один из его братьев стал князем Лырминым, он кочевал со своим «племенем» в стороне Обдорска. В концовке этого варианта легенды повторяется фрагмент из первого варианта, который не совпадает с ним ни логически, ни хронологически, в нем говорится, что после утверждения советской власти, в период раскулачивания, прадед информантов, нашедший это рыбное озеро, позвал сюда все «племена», и они пришли перед войной (ВОВ), в 1915–1920 гг. То есть в этом варианте легенды называются две несовместимые причины появления на Нямбойто рода Лырминых, святилища и людей других родов и сразу три разных датировки этого события, так что не понятно, чему верить.

«Е. Л. — Наш прадед освятил это дерево, он шаманом был. О. С. — Прадед ваш?! Как его звали? О. Л. — Лырмин, как же его ... Хунгля. И это же его жена была вот эта бабушка, которую он вырезал из дерева? Е. Л. — Нет, не его жена, это просто хранительница озера. Е. Л. — У нас корни..., у нас бабушка..., она еще с тех времен, наши корни идут с Красноярского края. У нас еще в те года..., ну, это, родовое, племена, и там много братьев было, и у каждого свои

эти были..., стойбища, когда еще при советской власти и до советской власти, когда еще вот был, помните, Екатерина или кто там еще, они все призывали к тому, чтобы мы принимали православие. А они же идолопоклонники, и у нас один тоже был предок, он не хотел креститься, принимать православие, и он, короче, уехал и там возобновил свою... А один был, еще говорили, брат, он стал князем Лырминым. И вот он там, в стороне Обдорска был, со своими людьми..., племена, как раньше говорили. Один из братьев Лырминых нашел это озеро, и он всех позвал. Когда была советская власть, когда раскулачивали, когда гонения были, он тут нашел вот это озеро и увидел, что в нем рыба есть, и всех позвал. О. С. — То есть ваш род Лырминых где-то перед войной здесь появился, в 1937–1941г.? Е. Л. — Перед войной, в 1920–1930-е годы, даже 1915-е годы есть (ПМА: Лырмина, Лырмина-Еприна).

Третий вариант легенды был передан авторам в виде литературного текста. Его написал младший брат сестер-информантов Артур Дмитриевич Лырмин и опубликовал в брошюре, выпущенной Тазовским отделением ассоциации коренных малочисленных народов Севера ЯНАО «Ямал — потомкам» к районному фестивалю ненецких родов «Моя семья — мои истоки», когда он возглавлял это отделение (с 2023 г. Артур Лырмин воюет на СВО). Сестры рассказали, что их брат искал корни семьи в документах Тазовского муниципального архива и научных статьях, «все выписывал», «расспрашивал старожилов», он делал это также в Салехарде, когда ездил туда «по работе и не по работе», в опубликованной статье он суммировал итоги своих изысканий. Третий вариант семейной легенды звучит следующим образом. В XIX в. прадед Лырминых Хунгль с многочисленными родственниками кочевал в долгано-ненецкой тундре на территории современного Красноярского края, где сейчас проживает большое число Лырминых. Когда его близкие стали страдать от голода и болезней, Хунгль отправился искать лучшее место для жизни и нашел это рыбное озеро, после чего позвал сюда все кочевавшие с ним вместе «племена». Озеро накормило людей, и они назвали его Нямбойто — Озеро Дружбы. Каждому пришедшему роду шаман вырезал своего идола, а также вырезал Нарка Хаакы — общую для всех ненцев богиню, которая объединяет и сохраняет весь народ. Артур не нашел в ненецком языке «перевода» своей фамилии, но нашел в «долгано-ненецком» языке слово *лымыртя*, которое означает ‘косторез’, и соотнес его с фамилией Лырминых.

Некоторые старшие семьи информантов, например, Валерий Филиппович, относятся к изысканиям Артура критически:

«Черт его знает, что за язык долгано-ненецкий, но если ихнюю фамилию перевести на ненецкий язык, это тоже которые кости режут, лы по-ненецки — кость. Они молодые, чего с этих девочек спрашивать. Надо пожилых людей искать, которые знают. Они что там — прочитали, и всего лишь» (ПМА: Паровых).

Действительно, легенду, представленную в трех неоднозначных вариантах, нельзя принимать на веру. Из текстов легко вычлениаются элементы, произвольно добавленные Лырмиными в результате попыток поставить предание в контекст общей истории, датировать переселение предков на Нямбойто и определить причины, из-за которых они оказались в критическом положении и отправились на поиски лучшей жизни. Также возможно заметить, что географическая привязка проживания дальних предков Лырминых к территории нынешнего Красноярского края, появилась

только потому, что там обнаружилось много людей с такой же фамилией. Не менее вероятно, что текст легенды был сложен из двух разных преданий — о переселении предков и об устройстве шаманом Лырминым святилищ, отчего каждую из частей логичнее анализировать по отдельности.

Без сбивающих с толку добавлений легенда о переселении будет звучать следующим образом: предки Лырминых раньше жили в тундрах и занимались оленеводством, но настали трудные времена, и они потеряли своих оленей, люди в роду начали голодать и умирать; глава рода отправился на поиски лучших мест и привел своих людей на богатое рыбой озеро, которое всех накормило; вслед за Лырмиными на Нямбойто пришли другие роды. Имея первоначальный текст легенды, следует попробовать определить, о каком переселении в нем идет речь.

По данным научной литературы, в начале XVII в. в низовьях Таза проживали энцы. Территория энцев включала тогда весь бассейн Таза и простиралась на восток до правобережья Енисея (в районе устьев рек Нижняя Тунгуска и Курейка) и на северо-восток до Енисейской губы. В конце XVII — начале XVIII вв. под давлением ненцев с запада, селькупов, а также кетов и эвенков с юга, энцы утратили свои прежние территории в бассейнах Таза и Турухана и в районе низовьев рек Курейки и Нижней Тунгуски и сместились на северо-восток, преимущественно на правобережье Енисея. Не покинувшие своих земель после их освоения народами-завоевателями энцы попали под сильное языковое и культурное влияние этих народов, растворились в них и вошли в их состав в качестве субстратного элемента (*Васильев* 1982: 57–63).

В отчете священника Тазовской церкви Василия Попова о крещении самоедов Тазовской стороны, датированном 1755 г., среди глав семей, принадлежащих большому энецкому роду Аседа, упоминается Василий Лырма. Исследователь этнической истории энцев В. И. Васильев полагал, что прозвище Василия могло дать название самостоятельной патронимии и со временем превратилось в фамилию, дожившую до наших времен (*Васильев* 1982: 62). То есть Василий Лырма, живший на Тазу в XVIII в., может с большой долей вероятности считаться родоначальником всех современных семей Лырминых. Нынешняя распространенность фамилии Лырмин в районе Енисейской губы и Дудинки говорит о том, что часть его потомков переселилась с Таза на северо-восток вслед за другими энецкими родами. На Тазу фамилия Лырминых сохранилась как ненецкая. Точно так же — из прозвищ глав энецких семей — возникли фамилии соседей Лырминых по Нямбойто, нынешних тазовских ненцев Ямкиных, Пальчиных, Паровых и Марык (*Квашнин* 2002: 187).

Таким образом, в рассматриваемой легенде речь идет, скорее всего, о приходе на рыбное озеро Нямбойто ненцев, которые ассимилировали живших здесь энцев. Глава ненецкого рода, который привел людей на Нямбойто, несомненно, был таким же предком информантов, как и Василий Лырмин, только имел другую, ненецкую, фамилию. Тундровые ненцы, завоевавшие низовья Таза, пришли со стороны Обдорска, поэтому они назывались обдорскими ненцами. Восприняв местные энецкие фамилии, ненцы, очевидно, сохранили это свое название, в таком случае князец ненецкого рода Лырминых, собиравший ясак, звался обдорским князем, что объясняет еще один фрагмент легенды.

Далее рассмотрим ту часть легенды (или состыкованный с ней самостоятельный сюжет), где шаман Хунгля обустроивает святилища, и попытаемся разобраться, кем он был, и он ли сделал нямбойтинскую Бабушку.

Для начала надо сказать, что установить святилища всем родам, как это говорится в варианте легенды, написанном Артуром Лырминым, Хунгля не мог, кем бы он ни был, так как известно, что, по традиции, родовые святилища устраиваются только шаманами этого рода. Каждая нямбойтинская семья, фамилия, род имели на своих промысловых угодьях принадлежащее лишь им одно или несколько сакральных мест, где они поклонялись своим богам. Как рассказали информанты, когда они еще жили со своими родителями, в округе Нямбойто было множество чумов и много святилищ, какие-то из них располагались совсем близко с чумами. Святилища отличались по возрасту, о древних культовых местах, имеющихся в начале XX в. на Нямбойто, упоминают в своих работах Е. Д. Прокофьева, Л. В. Хомич и В. И. Васильев (*Квашнин, Ткачев* 2014: 188). Одно из старых святилищ было посвящено *Нумгы-пою/Нумгэбою*¹, сыну верховного божества Нума, оно принадлежало родам Лырминых и Ямкиных — потомкам рода Аседа (Нгаседа). Фигура божества была сделана из черного камня и хранилась в священной нарте, в ящике с дверцей (*Квашнин, Ткачев* 2014: 188).

Если Хунгля был главой рода, который привел своих людей на Нямбойто, легендарным предком Лырминых, он не был автором святилища с Бабушкой, потому что оно намного его моложе (ему около ста лет), а также потому, что он был ненцем. Ненцы не делали святилищ по селькупскому образцу, о чем говорилось выше, и «общая для всех ненцев богиня» *Нарка Хаакы* — Большая Бабушка отсутствует в ненецком пантеоне (близким к ней по функциям божествам *Мяд'пухуця* и *Я'небя* святилищ не устанавливали).

Возможно, сюжет об устройстве святилищ произвольно совместили с легендой о переселении, и святилища обустроивал другой герой, не тот, который привел людей на озеро. Тогда Хунгля мог быть не древним героем-переселенцем, а, как следует из еще одной истории, рассказанной сестрами, жившим не столь давно их прадедом-шаманом, конкретно — ненцем Лырминым Дмитрием Васильевичем, 1880 г. р., его данные имеются в похозяйственных книгах поселка Нямбойто, годы зрелости Дмитрия Васильевича примерно совпадают со временем появления святилища. Согласно этой истории, прадед сестер шаман Хунгля приютил у себя и обучил шаманским приемам пришедшего на Нижний Таз с Турухана «последнего селькупского шамана» Гаврилу Мандакова, его даты жизни 1926–2002 гг.

«О. Л. — Что хотела сказать насчет Мандакова, вот историю тоже. В общем, когда он маленький остался, его приютил наш прадед, вот этот шаман, к себе забрал. Его забрал наш прадед. Артур мне это все рассказывал, он сказал, что все это в архиве нашел. Может там, по рассказам людей. Ну, мне Артур рассказывал, он тоже ездил, от одного эту историю услышал, от другого, и вот он рассказывал, он когда маленький остался, Мандаков, его забрал наш прадед-шаман. И он его научил этим, всему шаманскому, навыкам этим. И вот Артур говорит, что когда ему было лет десять, с Валерой они приехали к нему, Валера сказал, что он Лырмин, и он, говорит, меня... Он заплакал... Он, говорит, на меня посмотрел, черты-то все равно же есть же схожие, он увидел и заплакал. Он, говорит, все вспомнил. Он обнял меня и все, это, го-

¹ Авторам кажется, что название озера Нямбой-то (где 'то' — селькупская лексема, обозначающая озеро) является именем божества *Нумгы-поя/Нумгыбоя/Нумгымбоя/Нумимбоя*, которое было искажено неправильным произношением.

ворит, мой сын. И вот значит, наш прадед его воспитал, Мандакова, и навыки свои ему передал. Вот у нас только один был шаман, а сейчас у нас нет» (ПМА: Лырмина-Еприна).

Однако правдивость истории об обучении Мандакова Хунглей Лырминым вызывает большие сомнения. Личность Мандакова ранее уже рассматривалась одним из авторов данной статьи. Исследование основывалось на сведениях, полученных от большого числа информантов, и пришло к выводу, что Мандаков овладел шаманскими умениями благодаря своей первой жене, тоже селькупке А. И. Кыткиной, которая приютила его, когда он пришел из района р. Турухан босым и замерзшим, отчего, вероятно, он на ней и женился, несмотря на то, что она была старше его на тридцать один год. Кроме того, шаман-ненец, принадлежащий другой культурной традиции, не мог обучать шаманским приемам селькуп Мандакова. Для посвящения в шаманы у селькупов существовала сложная церемония, требовавшая участия родовых шаманов и всех сопородичей — представителей двух фратрий одного племени (Степанова 2023а). И даже если это обучение в нарушение всех традиций имело место быть (духи Мандакова, о которых он всем рассказывал, относились к ненецкому пантеону, а само его шаманство было странным, далеким от классического образца), то все равно сделать селькупское по типу святилище Хунгля — прадед Лырминых, ненецкий шаман — не мог.

Предположения, что Бабушку вырезал селькуп Мандаков (примерное время основания святилища совпадает также с возрастом его зрелости и освоением селькупками Нижнего Таза), или что шаман Хунгля Лырмин был селькупом, не нашли в ходе исследования сколько-нибудь серьезных подтверждений.

Следовательно, Бабушку, которой сейчас поклоняется и которую уважает все ненецкое население низовьев Таза, сделал не Хунгля, кем бы он ни был. Та часть легенды, где говорится о появлении святилища, по-видимому, была сочинена и добавлена к ней кем-то из семьи Лырминых. Растущий у информантов интерес к культурным корням и семейной истории, попытки объяснить старинные легенды свидетельствуют о появлении у коренных малочисленных народов Севера нового взгляда на свою этничность.

Заключение

Итак, в результате исследования, посвященного введению в научный оборот новых сведений о культовом месте на озере Нямбойто в низовьях р. Таз, собранных в экспедиции 2024 г., были сделаны следующие выводы. По способу устройства и внешнему виду изображенного божества святилище относится к селькупскому типу. Оно было основано приблизительно в первой четверти XX в. и, очевидно, первоначально принадлежало нижнетазовским селькупам — локальной этнической группе селькупов, в конце XIX — первой трети XX в. перебравшихся в низовья р. Таз — на территорию, заселенную ненцами, со Среднего Таза и Турухана. Дух, вырезанный на стволах двух стоящих на берегу озера Нямбойто лиственниц — живой и засохшей — изображает главное селькупское божество Старуху *Илынтель кота* (Бабушку *Има кота*), прародительницу, жизнедательницу, хозяйку мирового дерева и Вселенной. Считалось, что от *Има кота* зависела также промысловая удача, поэтому ее святилища устанавливались на самых «урожайных» промысловых угодьях. Корректность в определении имени и этнической принадлежности богини, изображенной на лиственницах, подтверждается тем, что ненцы не вырезали своих духов на растущих деревьях, и у них в

пантеоне не было аналогичного женского божества, для которого устраивали святилища. К настоящему времени группа нижнетазовских селькупов прекратила свое существование, подвергшись ненецкой ассимиляции. Однако можно сказать, что селькупы тоже оказали значительное культурное влияние на ненцев. Нынешние ненцы, связанные с Нямбойто, воспринимают святилище и духа, который на нем изображен, своим, ненецким, и регулярно проводят на священном месте обряды. Обряд, который устраивается на святилище, имеет общие для селькупов, ненцев и других сибирских народов элементы. У информантов было записано множество деталей обряда жертвоприношения духу и одновременно погребального обряда, поскольку святилище расположено на территории кладбища пос. Нямбойто, покинутого жителями в начале 1970-х гг. Эти записи станут ощутимым вкладом в селькупскую этнографию.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора. Экспедиция в Тазовский район ЯНАО. Август 2024 г. (информанты: О. Д. Лырмина (Еприна), 1976 г. р.; Е. Д. Лырмина, 1978 г. р.; В. Ф. Паровых, 1956 г. р.).

Научная литература

- Васильев В. И. Ненцы и энцы // Этническая история народов Севера / Отв. ред. и авт. предисл. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 48–81.
- Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1970. 295 с.
- Квашин Ю. Н., Ткачев А. А. Культное место на озере Нямбойто // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 185–194.
- Квашин Ю. Н. Селькупы в низовьях Таза // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. № 4. С. 230–232.
- Квашин Ю. Н. Официальные документы и судьбы людей на Севере // Этносы Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. Ч. 2. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 9–13.
- Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л., 1977. С. 66–79.
- Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. 20. М.-Л., 1961. С. 54–74.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
- Степанова О. Б. «Его называли красным шаманом»: к вопросу о трансформациях селькупского шаманизма в советский период // Религиоведение. 2023а, № 4. С. 80–91. https://doi.org/10.22250/20728662_2023_4_80
- Степанова О. Б. Об итогах поездки к селькупскому порге на Парусовых озерах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023б. № 3. С. 131–139. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-3-131-139>
- Хомич Л. В. О некоторых предметах культа надымских ненцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. / Отв. ред. Л. П. Потапов и С. В. Иванов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. С. 241–247.
- Хомич Л. В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966. 328 с.

References

- Ivanov, S. V. 1970. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX — pervoy poloviny XX vv.* [Sculpture of the Peoples of the North of Siberia XIX — the First Half of the XX Centuries]. Leningrad: Nauka. 295 p.
- Khomich, L.V. 1971. O nekotorykh predmetakh kul'ta nadymских nentsev [On Some Objects of the Cult of the Nadym Nenets]. In *Religioznyye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX — nachale XX v.* [Religious Beliefs and Rituals of the Peoples of Siberia in the 19th — early 20th Centuries], ed. by L. P. Potapov, S. V. Ivanov. Leningrad: Nauka. 241–247.
- Khomich, L.V. 1966. *Nentsy* [Nenets]. Moscow-Leningrad: Nauka. 328 p.
- Kvashnin, Yu. N., and A. A. Tkachev. 2014. Kul'tovoye mesto na ozere Nyamboy-to [Cult Place on Lake Nyamboy-to]. *Antropologicheskii forum* 23: 185–194.
- Kvashnin, Yu. N. 2002. Sel'kupy v nizov'yakh Taza [Selkups in the Lower Reaches of the Taz]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* 4: 230–232.
- Kvashnin, Yu. N. 2004. Ofitsial'nyye dokumenty i sud'by lyudey na Severe [Official Documents and Destinies of People in the North]. In *Etnosy Sibiri. Proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* [Ethnic Groups of Siberia. Past, Present, Future]. Part 2. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy krayevoy krayevedcheskiy muzey Krasnoyarsk regional museum of local lore. 9–13.
- Prokofieva, E. D. 1977. *Nekotoryye religioznyye kul'ty tazovskikh sel'kupov* [Some Religious Cults of the Taz Selkup]. MAE Collection. Vol. 33. Leningrad: Nauka. 66–79.
- Prokofieva, E. D. 1961. *Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov)* [Representations of the Selkup Shamans about the World (Based on the Drawings and Watercolors of the Selkups)]. MAE Collection. Vol. 20. Moscow-Leningrad: Nauka. 54–74.
- Prokofieva, E. D. 1976. Staryye predstavleniya sel'kupov o mire [Old Selkup Worldviews]. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and Man in Religious Representations of the Peoples of Siberia and the North], ed. by I. S. Vdovin. Leningrad: Nauka. 106–128.
- Stepanova, O. B. 2023a. «Yego nazyvali krasnym shamanom»: k voprosu o transformatsiyakh sel'kupskogo shamanizma v sovetskiy period [“He Was Called the Red Shaman”: On The Issue of the Transformations of Selkup Shamanism in the Soviet Period]. *Religiovedeniye* 4: 80–91. https://doi.org/10.22250/20728662_2023_4_80
- Stepanova, O. B. 2023b. Ob itogakh poyezdki k sel'kupskomu porge na Parusovykh ozerakh [On the Results of the Trip to the Selkup Porg on the Parusovye Lakes]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* 3: 131–139. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2023-3-131-139>
- Vasiliev, V. I. 1982. Nentsy i entsy [Nenets and Enets]. In *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North], ed. by I. S. Gurvich. Moscow: Nauka. 48–81.